

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

155

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 155

I - 1989

Николай БЕРДЯЕВ (1874-1948)

ДУХ И СИЛА *

I

Верят ли в силу духа, верят ли христиане в силу духа? Вот беспокойный вопрос, особенно беспокойный в наши дни поклонения силе. Нужно правду сказать: подавляющее большинство людей, в том числе христиан, материалисты, не доктрины, а жизни, и верят лишь в материальную силу, силу военную и силу экономическую, силу оружия и силу денег. Люди, слишком верящие в силу духовную, производят впечатление глуповатых, над ними смеются. И напрасно негодуют против марксистов. Обличают марксистов за то, что они не верят в самобытную реальность духа, признают примат материи и экономики как первореальности. Но верят ли обличители сами в реальность и силу духа и обнаруживают ли силу духа? В действительности одной материальной силе противопоставляют лишь другую материальную силу. Не марксизм выдумал господство экономики над человеческой жизнью, он раскрыл это в самой жизни.

Когда противопоставляют дух и силу, то выражаются условно и неточно. Неверно делать такое противоположение и говорить: вы за господство силы в жизни, мы же за господство духа. Многозначно понятие силы. Многие психологи производят понятие силы от опыта мускульного усилия и от способности воли что-то реализовать. Происходит как бы проекция силы во внешний мир и понятие силы натурализируется. Популярная сейчас философия силы, воли к могуществу есть форма натуралистической метафизики. Философия силы основана на ошибочном взгляде на самостоятельность материи, подчиненной лишь собственному закону. Так

*) Статья, судя по содержанию, была написана в конце 30-х или самом начале 40-х годов. Появилась во французском и английском переводе после войны. По-русски печатается впервые (воспроизведена по белой рукописи автора).

называемая философия жизни (Lebensphilosophie) есть биологическая философия, ведущая к апофеозу силы. Сила жизни признается верховным критерием ценностей, по максимуму жизни определяется различие между добром и злом. Клагес, яркий представитель философии жизни, видит в духе паразита жизни, врага силы жизни. В духе хотели увидеть эпифеномен жизни, в высшем увидеть эпифеномен низшего. Для одних в этом эпифеномене происходит возрастание жизни, для других, как для Клагеса, наоборот — ослабление и угасание жизни. Но меня сейчас более всего интересует, что натуралистическое, биологическое понятие силы было перенесено на социальную жизнь. Это привело к апофеозу силы и сильных, к оправданию насилия над слабыми. Сила оказывается единственным источником правды и права. Право имеет лишь сильный. Сильный имеет право принуждать исполнять свою волю к могуществу. Сейчас это обнажено, и в этом эпоха наша имеет разоблачающее значение. В прошлом вера в принуждающую силу была прикрыта, духом прикрывали действие силы низшего порядка. Церковь, которая сознает себя духовным организмом, постоянно прибегала к силе государства, к материальным орудиям воздействия. Сложность нашей проблемы в том, что существует не только сила материальная, но и сила духовная. К духу тоже применима категория силы. Христос говорил, как власть имеющий, т. е. говорил с силой. И это есть образ иной силы, чем та, которой поклоняется наш мир. Мы ведь говорим: сила духа, сила веры, сила мысли, сила любви, сила подвига и жертвы, сила творческого подъема. Мы говорим о силе правды, силе свободы, о силе чуда, опрокидывающего власть силы природной. Вера может двигать горами. Такой силы не имеют диктаторы. Все это свидетельствует о том, как условно противоположение духа и силы, правды и силы, права и силы. Идеология силы в социальной жизни очень связана с ложным приматом политики. Поистине роль, которая приписывается политике, не только преувеличена, но и чудовищна. Политика есть вампир, сосущий кровь народов. Притязания политики непомерны, эти притязания всегда тоталитарны. Политике принадлежит власть над человеческой жизнью, не только над "политической" стороной жизни, но и над проявлениями жизни, ничего общего не имеющими с политикой, над жизнью религиозной, духовной, умственной, над человеческим творчеством. И нет больше пустыни, в которую можно было бы от этой власти укрыться. Тоталитаризм современных государств связан с этой преобладающей

ролью политики. Сила в социальной жизни людей есть власть, и власть обладает могущественными орудиями принуждения. Апофеоз силы есть апофеоз принуждающей власти. С войны 14-го года до нынешней войны проблема власти заслонила все проблемы. Настоящее противоположение есть противоположение силы и насилия. Но насилие определяется отношением к другому. Сила в современном одиозном смысле есть насилие над другим. Насилие означает отношение к человеку, как к объекту, а не субъекту. Насилие, совершаемое материальной силой, убивает, духовная же сила преображает.

Проблема насилия сложна, потому что есть заметное насилие, имеющее материальное выражение, и есть насилие незаметное. Более всего вызывает возмущение насилие заметное, физическое, — людей убивают, пытаются, сажают в тюрьмы, лишают свободы движения, бьют. Но еще бóльшую роль играет насилие незаметное, психическое. Орудием диктатур является демагогия, психическое насилие над массами, социальный гипноз, подкуп, пресса, находящаяся в руках власти. Человека рассматривают не как свободное духовное существо, которому нужно помочь прийти к самоуправлению, а как существо, подлежащее дрессажу, обработке. Общество, оформленное в государство, должно дрессировать личность, формировать ее путем методического психического насилия для своих целей. В наше время это делает стремящаяся к господству партия. Это ведет к отрицанию прав человека, свободы совести, свободы мысли, духовной независимости. Человек, которого сажают в тюрьму и казнят, может внутренне оставаться свободным и независимым существом, он подвергается материальному насилию. Мученик — существо свободное. Но человек, согласившийся на дрессировку, на оформление своей личности путем психического насилия, делается рабом. Именно согласие на психическое насилие делает человека рабом, материальное насилие не требует согласия и может оставлять внутреннюю свободу. Когда меня расстреливает тирания, то я могу несколько не поступаться свободой своего духа. Диктатор, исповедующий культ силы, прежде всего хочет совершить психическое насилие над душами, физическое насилие есть уже орудие этого психического насилия. В этом сущность современного тоталитаризма, он хочет владеть душами, дрессировать души. Он требует отказа от свободы и за это дает хлеб. Это и есть соблазн Великого Инквизитора, один из соблазнов дьявола, отвергнутых Христом в пустыне.

Сила противопоставляется праву, хотя это противоположение логически неверно. Сила может быть бесправием, надругательством над правами человека, но право может стать силой. От чего зависит сила права, противопоставляемая силе бесправия, силе насилия? Это целиком зависит от сознания людей, от верования людей и народов, от господства совести. Даже бесправие диктатуры, идолопоклонствующее перед силой, не может основываться на голой материальной силе, оно также предполагает состояние, сознание людей, верования народов. Диктатура национал-социализма или коммунизма совершает кровавые насилия, но она также опирается на верования народов и без них невозможна. Духовной силе принадлежит примат над силой физической даже тогда, когда отрицаются права духа. В этом смысле сознание определяет бытие, хотя за этим сознанием стоит более глубокое бытие, подлинное существование. Возможно состояние сознания, при котором право будет силой, право будет не психическим или физическим насилием, а нравственно обязующей силой. Право предполагает применение силы для его поддержания, но никакой правовой строй не может держаться только применением силы. Религиозные верования людей и народов имеют решающее влияние на строение человеческих обществ и на соотношение между силой и правдой, силой и правом. Под религиозными верованиями я понимаю тут не непременно какие-нибудь положительные христианские верования или верования других исторических религий. Национал-социализм и коммунизм тоже в известном смысле религиозные верования и предполагают особую структуру сознания. Даже воинствующий атеизм есть религиозное верование с отрицательным знаком. Поклонение силе может превратиться в религиозный культ. Мы это и видим в Германии. Самая возможность манифестации силы в дурном смысле, т. е. силы, отрицающей верховенство правды, права и свободы человека, есть известная направленность сознания, отсутствие положительных верований и присутствие ложных верований. Проявление дурной силы всегда посягает на свободу другого. Но насильники совсем не отрицают свободу для себя. Диктаторы позволяют для себя и для своих слишком большую свободу. Поэтому настоящая любовь и уважение к свободе предполагают любовь и уважение к свободе другого. Существует сложная диалектика силы и сложная диалектика свободы. Я имею в виду диалектику экзистенциальную. Поэтому так запутаны отношения духа и силы, силы и свободы, силы и права.

II

Каково отношение между силой и ценностью? Ценность может быть силой. Но является ли сила сама по себе ценностью, как утверждают идеологи силы? Сила не может и не должна быть признана ценностью. Ценность силы есть лишь ценность средства в отношении к какой-либо цели. Все зависит от того, о силе чего идет речь. Когда мы, например, говорим о силе Бога, о силе добра, силе истины, силе высшей идеи, то сила тут не является ценностью сама по себе. Апофеоз же силы означает, что сама сила признана верховной идеей и ценностью. Это есть грубый натурализм, порождающий идолопоклонство. Сила жизни сама по себе не есть ценность, ценностью является качество силы жизни. Ницше утверждает волю к могуществу, как творящую всякую ценность и как верховный критерий истины, и в то же время защищает качество и является аристократическим философом. Это коренное его противоречие, так как сила воли к могуществу сама по себе не означает качества и может уничтожить всякое качество в мире. Можно было бы сказать, что воля к могуществу есть плебейская сила. Качество стоит выше силы, и только качественная сила есть ценность. Но поразительнее всего, что существует трагический конфликт между силой и ценностью. И конфликт этот делает недопустимой всякую оптимистическую философию силы. Высшие ценности в этом эмпирическом мире слабее низших ценностей, духовные ценности слабее материальных ценностей, пророк, философ или поэт слабее полицейского, солдата или банкира, Бог слабее материи. Об этом верно говорит Н. Гартман, хотя это и не осмысливается его философией. Сила денег в этом падшем мире несоизмеримо сильнее, чем сила духа, которая бывает поругана. Мы живем в мире, в котором высшая правда была распята — Христос умер на кресте. Христианство — религия распятой правды. Пророки были побиваемы камнями, и камни оказывались сильнее пророка, вдохновленного Богом. Сократ был отравлен своим народом, и яд оказался сильнее мудреца. Сколько святых, сколько гениев было гонимо! Вообще качество не признавалось миром, низшая сила торжествовала. То, что мы называем культом силы, в конце концов всегда есть культ низшей, материальной бескачественной силы. Молодежь сейчас склонна поклоняться именно физической силе, отсюда увлечение спортом и милитаризацией. Материальное — бескачественно, лишь духовное — качественно. Дух

сообщает материи качество. Культ силы есть неверие в силу духа и в свободу. Культу силы, очевидно, не может быть противопологаема защита бессилия и слабости. Пророк, побиваемый камнями, святой гонимый, гений, не признанный и одинокий, — не слабый, а сильный. Но это иная качественная сила. Культу силы противостоит дух и свобода, сила духа и сила свободы, в жизни социальной противостоит сила права и справедливости. Это есть прежде всего противоположение разных сознаний, разных направленностей сознания. Сознанию поработченному и поработщающему противопоставляется сознание освобожденное и освобождающее. Закон этого природного эмпирического мира есть бешеная борьба индивидуумов, народов, племен, наций, государств, империй за существование и преобладание. Люди одержимы демоном воли к могуществу, и он влечет их к гибели. Но в этот страшный, поистине одержимый мир, в котором все насилует, может вторгнуться иное начало — духа, свободы, человечности, милосердия. Христианство в самом корне противостоит культу силы. Бог этому противостоит, Бог никого не насилует, Он оставляет даже свободу Себя отрицать, Он ищет лишь свободного ответа и свободного соучастия в своем деле. Дух никого не насилует, в этом его сущность, дух может лишь преображать. И христианство должно представлять иную силу, чем сила мира. Христос сказал непонятные для мира слова, что первые, т. е. наиболее сильные по закону этого мира, будут последними, последние же, т. е. представляющиеся слабыми для людей этого мира, будут первыми. Это переворот ценностей. Оптимистическое отождествление ценности и силы более не имеет значения. Христианство утверждает закон жизни, обратный закону мира. Христианство не принимает того натурального подбора, который должен создавать расу сильных. Господствуют и властвуют в этом мире всегда худшие, а не лучшие, господствует князь мира сего. Бывали исключения; был Людовик Святой, но этим лишь подтверждается правило. Сейчас в Германии торжествует эта антихристианская, антихристова идея подбора сильных, создания расы победителей и господ. И это идея плебейская, а не аристократическая, идея *parvenu*, аристов. Она осуществляется методами, напоминающими скотоводство. Подлинный аристократизм изначален, аристократ никуда не пробивается, он жертвен, он *a priori*, а не *a posteriori*.

Германская мысль в лице своих великих философов давала обоснование культу силы. Конечно, менее всего в этом повинен Кант. Философия Канта есть философия свободы, хотя недостаточно последовательная и не доведенная до конца. Но заложенные у Канта семена метафизики были в ложном направлении развиты германским идеализмом начала XIX века. Философию германской силы мы находим уже у Фихте и в гораздо большей степени у Гегеля, который наиболее интеллектуально ответствен за манифестацию силы в современной Германии. Культ силы в философии пангерманизма есть отпадение от христианства. Кантовский дуализм порядка природы и порядка свободы, мира феноменального и мира ноуменального, глубокий и вечный по своему значению, был заменен ложным оптимистическим монизмом. У Гегеля дух реализуется в исторической и государственной силе, свобода есть результат необходимости, есть сознанная необходимость. Это приводит к поклонению исторической силе данного момента и к апофеозу победителей. Горе побежденным! Дух действует у победителей, в торжествующей силе. Действительность разумна. Манифестация силы оправдана разумом. Панлогизм, отрицающий дуалистический момент, с которым связана свобода, ведет к историческому оппортунизму, к преклонению перед тем, что есть, т. е. обнаруживает силу, к порабощению процессом времени. Самостоятельность морального элемента исчезает. Свобода детерминируется действительностью, которая есть обнаружение мирового голоса, т. е. свободы нет. Это имело роковые последствия в марксизме, который тоже приходит к апофеозу силы. Вещь в себе была с большой легкостью устранена, и явление оказалось единственной реальностью, в которой обнаруживает себя мировой разум. Дух исходит в явление, в мировой процесс. Это есть вместе с тем эволюционизм, но эволюционизм, обоснованный метафизически. В таком понимании история не есть борьба свободы и необходимости, духа и детерминированного исторического и природного процесса, а есть эволюционное и детерминированное диалектикой логоса самораскрытие духа. Нет спасения для человеческой личности в этом сплошном монистическом, детерминированном законом диалектики панлогизме исторического процесса. Гегель признавал свободу основным признаком духа, в этом можно даже видеть формальную заслугу его философии духа. Но какая страшная ирония мысли! Свобода Гегеля есть рабство человека, есть апофеоз силы и насилия. Мировой дух Гегеля, саморазвивающийся к свободе, есть самый

страшный враг человека. Возврат от Гегеля к Канту есть настоящее противоядие, спасение человека от гибели в торжествующей безликой силе. От того, что эта безликая сила, всегда торжествующая и унижающая побежденных, т. е. живых людей, называется духом, от того, что торжество ее называется торжеством логоса, несколько не легче, а во много раз горше, чем если бы она называлась материей. Философия Гегеля с большой легкостью была превращена в материализм. Этого нельзя было бы сделать с философией Канта. Мощный ум Гегеля был роковым умом в истории человеческой мысли. В германской мысли была гениальная диалектика, идущая от Канта, ложно преодоленного, через Фихте и Гегеля, через Фейербаха и Макса Штирнера к Марксу в одну сторону, к Ницше в другую сторону. Несчастный, одинокий, страдающий Ницше, самый безвластный из людей, неспособный обидеть мухи, приходит к философии дионисической воли к могуществу, и это был один из пределов человеческой мысли, предел над бездной. Сам Ницше терпеть не мог государства, которое называл самым холодным из чудовищ. Его воля к могуществу не могла создавать могущественных империй, совершать захватов и насилий. Это был кризис европейской души, кризис нового времени, предел одинокой мысли. Но, как это часто бывает, посмертная судьба Ницше оказалась еще трагичнее его судьбы при жизни. Им воспользовались во зло. Его аристократическую мысль исказили для оправдания и торжества низменных инстинктов и интересов. В массовых процессах истории все великие идеи были всегда искажаемы до неузнаваемости. Было искажено учение Христа и опозорено. В "Легенде о Великом Инквизиторе" описано, как был бы встречен Христос христианами. Искажен св. Франциск и Лютер в своих последователях. Искажены идеи Руссо и Маркса, предназначенные для того, чтобы воспламенять массы. Можно себе представить ужас Руссо среди французских якобинцев и ужас Маркса среди русских коммунистов! Относительно Ницше можно только удивляться, что он пригодился для плебейского германского империализма, для гитлеровской воли к могуществу. Но самая идея воли к могуществу, как объяснения жизни мира, есть порождение нигилизма и отчаяния, есть роковое последствие убийства Бога. Воля к могуществу есть всегда безбожие. Воля к могуществу есть воля к убийству. Всякий, кто хочет могущественного царства, есть убийца и должен быть судим, как убийца. Воли к могуществу нельзя иначе осуществить, как путем убийства.

III

Русский гений создал учение, обратное господствующему учению германскому. Философии могущества, апофеозу силы противостоит философия непротivления злу Л. Толстого. Толстовскую идею непротivления обыкновенно плохо, во всяком случае, недостаточно глубоко понимают. Нет ничего легче, как опровергнуть учение о непротivлении. Всякому ясно, что при непротivлении злу всегда будет побеждать зло и злые. Но учение о непротivлении имеет смысл в том лишь случае, если предполагается действие силы, о которой забывают, которая скидывается со счета. Л. Толстой думал, что человеческое протivление силой мешает действию божественной природы, не допускает вмешательства Бога в судьбы человечества. Он может быть недостаточно ясно это выразил, но несомненно верил, что при непротivлении насилем сам Бог вмешивается, вступает действующей и определяющей силой. Бога он понимает имманентно, как божественную природу. Так же думает Ганди. Христиане на всякий случай устраивают свои дела так, чтобы они хорошо шли и в таком случае, если Бога нет. Есть ли Бог, нет ли Бога, ничто не меняется в устройении человеческой жизни. Устройство человеческой жизни есть сфера нейтральная, Бог лишь прилагается для другой сферы, лежащей по ту сторону всех человеческих дел. Но вот Л. Толстой думает, что все меняется, если Бог есть. Человек живет и устраивается или по закону мира, или по закону Бога. Закон мира не нейтральный, а враждебный Богу, безбожный. Закон мира есть протivление и насилие, беспощадная борьба и война. Закон Бога выражен в евангельских заветах Христа. Во всяком случае Л. Толстой поставил очень глубокую проблему. В нем была дерзновенная правда, не рациональная, как принято о нем говорить, а совершенно иррациональная. Это есть правда безумия в Боге. Если нет Бога и действия Бога, то все погибает. Евангелие призывает нас выйти из заколдованного круга, в котором борющийся со злом сам заражается злом. Я формулирую эту проблему иначе: Бог действует лишь в свободе, на свободу и через свободу; Он не действует в необходимости, на необходимость и через необходимость. Бог есть просветленная свобода. Но этим толстовская проблема очень осложняется. В религиозной философии Л. Толстого был ложный монизм, и потому он не понимал проблемы свободы и проблемы личности. Он приходит к квиетизму. Ошибка его была в том, что он как будто совсем не интересо-

вался защитой слабого против насилий со стороны сильного. Лев Толстой прав, что победить зло насилием нельзя, нельзя вырвать корень зла. Победа над злом может быть лишь победой духовной. Но можно применением силы ограничить проявление зла, насилие над беззащитным, можно не допустить убийства, истязания, грабежа. С этим связана традиция рыцарства, которая сейчас поругана в мире. Есть разница в том, принимаете ли вы силу для защиты слабого, или для насилия над слабым, для защиты свободы, или для истребления свободы. Применение силы может быть оправдано лишь для защиты слабых, для охранения свободы и духовных ценностей, для уничтожения насилия и несправедливости. Нужно защищать человека, достойную человека жизнь от нашествия гуннов и монголов, от Аттилы, от воли к мировому господству Гитлера. Воля к могуществу неизбежно приводит к отрицанию рыцарства и чести. Сколько бы ни говорили идеологи германизма о германской чести, Гитлер, реализующий германскую волю к могуществу, отрицает самые элементарные понятия воинской чести. Рыцарство фактически могло вырождаться в грабеж, как вырождается все на свете, но по своей идее оно не было манифестацией воли к могуществу, оно означало защиту слабого и было выражением верности, хотя бы это было невыгодно и требовало жертвы. Рыцарство было источником военных понятий о чести в европейском обществе. Рыцарская война была турниром, дуэлью. Воля к могуществу делает войну противоположной дуэли. Эта воля следует не традициям рыцарства, а традициям макиавелизма. Никакие понятия о чести не ограничивают более проявления насилия. Обнаруживается голая сила, противоположная духу (честь есть уже дух), и это есть обнаружение сатанизма. Воля к могуществу, апофеоз силы отрицает жалость и сострадание. Жалость ограничивает волю к могуществу. Жалость есть дух. Из книг Раушинга ясно, что в лице таких явлений, как Гитлер, мир выходит из чисто человеческой истории и вступает в эпоху истории демонов. Апофеоз силы должен к этому вести. Сложность проблемы насилия в том, что акты духа ступенны и, спускаясь в темную и злую мировую среду, приобретают иной характер, чем в своей первоначальной чистоте. Идеалом может быть только безвластие, но в нашем состоянии мира государство сохраняет свое функциональное значение. Но необходимо утверждать сознание, согласно которому государство есть слуга человека, а не ценность высшего порядка.

IV

Трагизм мировой жизни, ее непомерные страдания говорят о дуализме духа и мира, свободы и рабства.* Дуализм этот не так легко преодолеть, его преодоление в чистом мышлении имеет мало цены. Человек есть существо, призванное к общению со своими ближними, он реализует себя социально. Но цели человеческой жизни не социальные, цели духовные — духовная жизнь и духовная культура. Осуществление этих целей означает конфликт и борьбу. Духу, правде, свободе не принадлежит господство в этом мире. Князь мира сего есть фигура жуткая и безбожная. И это обнаруживается все более и более. Ложен всякий монизм в этом мире. Ложен онтологизм силы и возмущает своим равнодушием к тому, что правда в мире распинается. Сила, которой поклоняются и которая действительно противоположна духу, разрешает кровь, приводит к пролитию крови. И это имеет мистическое значение. На разрешенном пролитии крови нельзя остановиться. Ни Гитлер, ни Сталин не остановятся до своей гибели. Кровь опьяняет, и человек поработается возрастающей жаждой крови. *"Blut ist ein ganz besonderer Saft"*, говорит Мефистофель в "Фаусте". Это не простой сон, он связан с тайной жизни и смерти. Древние непросветленные языческие культы были связаны с пролитием крови, и кровь имела связь с половым оргазмом. Таковы были культы Диониса. Сейчас происходит возврат к этим древним языческим культам, но при страшном вооружении технической цивилизацией. Мистика силы связана с мистикой крови. Но это и есть настоящий сатанизм. Страшнее всего, что молодежь притягивает апофеоз силы и разрешение крови. Тут мы имеем предельные результаты диалектики атеизма. Их гениально прозревал Достоевский. Некоторые разоблаченные мысли Гитлера кажутся взятыми прямо из Достоевского, заимствованными от Шигалева, от Петра Верховенского, от Великого Инквизитора. Отрицание Бога ведет за собой отрицание человека. Атеисты XVIII века были защитниками человечности, они

*) Моему философскому мирозерцанию чужд манихейского типа дуализм. Я не признаю дуализма духа и материи, не верю в самостоятельную реальность материи. Источник зла не материя, как думал Плотин, источник зла в духе же. Мой дуализм есть дуализм свободы и необходимости, ноуменального мира свободного духа и феноменального мира природной необходимости и рабства.

отрицали Бога, ибо вера в Бога представлялась им отрицанием свободы человека, но они верили еще в божественное в человеке. Современные безбожники являют собой жестокое надругательство над человеком и человечностью. Маркс в истоках своих был еще гуманистом и восставал против обезчеловечения и овеществления человека при капиталистическом строе. Современные марксисты-коммунисты, воинствующие безбожники уже ничего общего не имеют с гуманизмом и с защитой человека против обезчеловечения. Они сами обезчеловечивают. Чернышевский был наивным материалистом в теории, но он мог еще быть и почти святым, он действительно был близок к святости. Сталин есть уже человеческий тип противоположный, в нем атеизм и материализм дал другие плоды, он бесчеловечный тиран. Ницше говорил, что Бог убит, и говорил это со скорбью. Он проповедовал волю к могуществу. При этом он оставался бескорыстным идеалистом, человеком кристаллической чистоты, каким был и Кириллов у Достоевского. В жуткой фигуре Гитлера замена Бога волей к могуществу германской расы дает другие плоды. Вокруг Гитлера собираются не аристократы духа, как хотел Ницше, а худшие, подонки, *parvenus*, люди *ressentiment*, дышащие злобой и мезтью. Аналогичные явления мы видим и в русском коммунизме. Культ силы, разрешение крови и насилия, сулящего успех, притягивает худших, часто преступных. И всегда это означает неверие в силу истины, силу духа, силу Божью. Только сила духа не призрачна, и ей принадлежит окончательная победа. Поражение духа иллюзорно. Распятие было победой, источником спасения. Но победа духа может быть видна лишь при выходе из замкнутости объективированного мира. Город может быть спасен несколькими праведниками. Лишь акты добра, которые терпят видимое поражение, поддерживают и спасают мир. Все же могущественные царства, которые удавались князю мира сего, были недолговечны и погибли. В высшем смысле и Александр Македонский, и Юлий Цезарь, и Наполеон, как Аттила, Чингис-Хан и Тамерлан, были неудачниками, как неудачником будет и удачливый Гитлер. Конфликт ценности и силы не разрешается в мировом плане всегда торжествующего зла. Последнее слово не принадлежит человеку-убийце. Человек призван быть не убийцей, а воскресителем. И за воскресителем стоит сила большая, чем человеческая. Я верю в возможность изменения сознания, революцию сознания, переоценки ценностей, духовного перевоспитания человека. И иному сознанию предстанет и иной мир. ■